

// Вісник Харківського нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. Серія філософія.
Філософські перипетії. – 2013. – № 15. – С. 32-37.

УДК 165.8

Морозова Е.И.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

СОВРЕМЕННЫЕ НАУЧНЫЕ ПРОГРАММЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Статья посвящена сравнительному анализу научных программ исследования естественного языка, предлагаемых современной когнитивной лингвистикой (символично-репрезентационная семантика и коннекционизм). Показано, что становление когнитивной лингвистики представляет собой закономерный процесс, развивающийся в соответствии с основными этапами эволюции гуманитарного и естественнонаучного знания. Общий вектор развития этого направления лингвистической науки можно определить как тенденцию к углублению представлений о мотивированности значения опытом в единстве его динамического и статического аспектов.

Ключевые слова: естественный язык, когнитивная лингвистика, коннекционизм, научно-исследовательская программа.

Морозова О. І. Сучасні наукові програми дослідження мови. Стаття присвячена порівняльному аналізу наукових програм дослідження природної мови, пропонує сучасною когнітивною лінгвістикою (символіко-реперезентаційна семантика та конекціонізм). Показано, що становлення когнітивної лінгвістики закономірним процесом, який розвивається у відповідності до основних етапів еволюції гуманітарного та природничого наукового знання. Загальний вектор розвитку цього напрямку лінгвістичної науки можна визначити як тенденцію до поглиблення уявлень щодо вмотивованості значення досвідом у єдності його динамічного та статичного аспектів.

Ключові слова: природна мова, когнітивна лінгвістика, конекціонізм, науково-дослідницька програма.

Morozova E. I. Present-Day Research Programs for Investigating Language. This article compares the research programs offered by the present-day cognitive linguistics (symbolic-representational semantics and connectionism) for investigating natural language. It is shown that the making of cognitive linguistics is a process consistent with the main evolutionary stages of humanitarian and natural-scientific knowledge. The general vector of the development of this branch of linguistics can be defined as a tendency to broadening people's knowledge on the experiential foundations of meaning in the unity of its dynamic and static aspects.

Key words: natural language, cognitive linguistics, connectionism, research program.

Целью данной статьи является сравнение научно-исследовательских программ, реализуемых в рамках когнитивной лингвистики. Для этого ставятся

следующие **задачи**: во-первых, охарактеризовать основные подходы к пониманию природы значения в когнитивной лингвистике; во-вторых, провести параллели между этими подходами и научно-исследовательскими программами модерна и постмодерна. **Актуальность** данной проблематики обусловлена ее принадлежностью к когнитивно-дискурсивной парадигме современного гуманитарного знания, центральное место в которой занимает принцип антропности.

В основе теоретических построений многих известных на сегодняшний день лингвистических направлений и школ лежит латентная посылка, согласно которой элементы языковой системы являются четко определенными, а их связи заданными. Эта посылка является «жестким ядром», или «отрицательной эвристикой» [2, с. 79], научно-исследовательской программы ^[*1], базирующейся на понимании языка как системы нейтральных знаковых форм, предназначенных выражать мысль. Данная трактовка языка может быть детализирована в следующих постулатах. Во-первых, означающее и означаемое в языке находятся в отношении строгой взаимной предопределенности. Из этого следует, во-вторых, что языковые знаки интерпретируются одинаково всеми членами языкового сообщества. Сами эти знаки, в-третьих, предстают как «средства», пригодные для выражения любых мыслей, одинаково послушно и безразлично обслуживающие все группы и слои общества.

Очевидно, что данная научно-исследовательская программа является воплощением гносеологического принципа детерминистского абсолютизма ^[*2]. Реализацию этой программы в языкознании можно было бы назвать лингвистикой раннего модерна, представляющей свои объекты – языковые единицы – как элементы иерархической системы с единым центром и целью (ср. правительство, армия, школа и т.п.). Такие единицы мыслятся как четко ограниченные во времени / пространстве, линейные, т.е. имеющие начало, продолжение и конец.

Нетрудно убедиться в том, что в реальности своего существования язык никогда не соответствует этому определению в точности, поскольку в

контекстном употреблении языковых знаков проявляются не только их семиотические характеристики, но и субъектно обусловленные, прагматические свойства, оказывающие существенное влияние на ход коммуникации. Примирить живую эмпирику с принципами, полагаемыми «неопровержимыми» в рамках абсолютистской исследовательской программы, входит в задачу вспомогательных гипотез, которые, в соответствии со своим предназначением, являются изменчивыми, «опровержимыми». Призванные обеспечить неприкосновенность фундаментального ядра теории, эти более детальные и сложные гипотезы называются «положительными эвристиками» [2, с. 83] ^[*3].

К «положительным эвридикам» научно-исследовательской программы абсолютного детерминизма относятся столь разнородные направления лингвистической мысли, как структурная и генеративная лингвистика. Для них является общим понимание языка как отдельного модуля мышления, принцип автономности синтаксиса, а также четко определенная и полностью композиционная семантика. Научно-исследовательская программа абсолютного детерминизма привлекательна для лингвистов, прежде всего, тем, что она существенно упрощает задачи научного поиска, сводя их к сортировке конечного числа четко определенных языковых сущностей в соответствии с различными критериями.

Обоснованность этого подхода, однако, представляется сегодня весьма проблематичной, особенно в свете научных достижений, толчком к которым послужило открытие Вернером Гейзенбергом принципа неопределенности ^[*4]. Ученые, работающие в самых разных областях научного знания, постепенно пришли к пониманию относительности детерминации и универсальности неопределенности. Вследствие появления этого более совершенного варианта детерминизма – вероятностного, стохастического – лапласовский детерминизм утратил свои позиции универсального гносеологического принципа и предстал в качестве «предельного случая» вероятностного детерминизма: абсолютно детерминированным может быть лишь канонический, идеальный образец, который вряд ли будет иметь место там, где наблюдается присутствие субъекта

(то есть в реальной действительности). В сфере языкознания эти методологические сдвиги послужили почвой для зарождения когнитивной лингвистики^[*5].

Когнитивная лингвистика исходит из того, что значение высказывания не может быть сведено к объективной характеристике ситуации, являющейся предметом сообщения: не менее важным является и ракурс, выбираемый «концептуализатором» при ее рассмотрении [1, с. 73], т.е. способ концептуализации предметной ситуации.

Когнитивная лингвистика не представляет собой методологически единого направления, что влечет за собой различные способы понимания концептуализации. Анализируя сложившуюся на сегодняшний день ситуацию, Д. Герэртс, С. Гронделерс и П. Бакема выделяют в когнитивной лингвистике, с одной стороны, интроспективный подход А. Вежбицкой [9], с другой, эмпирический подход психолингвистов (см., напр.: [8]) и исследователей в области корпусной лингвистики (см., напр.: [5]). Бóльшая же часть работ в данной области, констатируют они, располагается между этими полюсами [6, с. 163].

А. Вежбицкая, постулируя существование глубинных семантических структур – семантических примитивов, наличие которых дает людям возможность понимать друг друга и порождать другие значения – занимает позицию, согласно которой концептуализацией является лингвистическая организация уже существующего индивидуального ментального содержания. Значением в ее понимании является «знание, *что*», то есть компетенция (*competence*). Иными словами, согласно подходу А. Вежбицкой, ментальные репрезентации являются единицами представления мира в голове человека, стоящими вместо чего-то в реальном или вымышленном мире и поэтому замещающими это что-то в мыслительных процессах, то есть символическими структурами. Такой подход предполагает, что человеческий интеллект может изучаться как материальная система символов. В этой связи естественным образом возникает аналогия между работой мозга и компьютера, который также

оперирует символами. Эта аналогия обусловила название данной линии анализа, которое распространено в западной когнитивной лингвистике – символическо-репрезентационное направление.

Данное направление когнитивной лингвистики можно было бы отнести к позднему модерну, моделирующему свои объекты в виде полицентрических структур, в которых место цели занимает система правил, которые субъекту надлежит отыскать (ср. рынок, мораль, право, традиция и т.п.).

Существует и другое направление когнитивной семантики, известное как коннекционизм. Его представители рассматривают в качестве значения «знание, как», то есть как употребление языка (*performance*). Концептуализацией в их понимании является языковая организация предметной ситуации в общем межличностном мире коммуникантов. Отрицая как крайний объективизм, так и радикальный идеализм, коннекционисты занимают объективистскую позицию в вопросе о существовании экстралингвистического мира, который независим от восприятия и понимания субъекта, хотя его часть, идеальная сторона действительности, существует лишь в силу существования субъекта. Коннекционисты, однако, не являются объективистами в трактовке значения, полагая, что последнее не может быть переведено в независимые от разума категории. Они определяют свою методологическую позицию как «реализм опыта». Предлагаемые коннекционистами модели получили название субсимвольных, поскольку они отвергают автономный символ как носитель смысла. Если в символическо-репрезентационных моделях извлечение знания требует обращения к «готовой» репрезентации, а новые знания сличаются с уже имеющимися, извлеченными или переведенными из долговременной памяти в кратковременную, то в коннекционистских моделях знания как бы создаются заново [1, с. 88].

Становление коннекционизма в лингвистике тесно связано с появлением нейропсихологических моделей деятельности мозга, в которых эта деятельность описывается с помощью представления о коннекциях (связях) нейронных обоснований, формирующих определенную сетку этих связей [там

же, с. 87], т. е. моделей интерактивной обработки информации, осуществляемой параллельно (*parallel distributed processing*). В то время как в символьных сетях каждый узел представляет собой концепт, в коннекционистских моделях отдельные элементы сети никакой концептуальной интерпретации не имеют [там же, с. 88]. Концепт «собирается» в параллельной обработке взаимодействующих друг с другом элементов сети – концептуальных признаков. При такой трактовке лингвистические структуры и отношения в конечном счете сводятся к когнитивной обработке, которая протекает как нейрологическая деятельность мозга.

Содержание языкового знака в коннекционистских моделях предстает не как объект, а как интерактивная функция, «событие связи между различными и лишь отчасти соизмеримыми знаковыми системами» [7, с. xii] – ментальными репрезентациями и лингвистическими знаками, то есть как информация, которая конструируется говорящими в дискурсе. Соответственно, компьютерная метафора речевой деятельности уступает место метафоре нейронной. Одним из важных следствий такого подхода является признание того, что концептуальные структуры естественного языка, как правило, имеют стохастическую природу [4, с. 54].

Коннекционистское направление когнитивной лингвистики является по своей сущности аналогом постмодернизма, который, по словам Ж.-Ф. Лиотара, не является течением, а представляет собой скорее умонастроение, интеллектуальный стиль [3, с. 19]. Как творческая установка постмодернизм являет максимум интеллектуально-игрового, эвристического, рефлексивного. Именно такие «нелинейные» свойства языка, как повторение, прерывистость, излишество, парадоксальность, ироничность, комизм, ложь, игра оказываются в центре внимания современных лингвистов-когнитологов.

В заключение отметим, что зарождение и становление когнитивной лингвистики представляет собой закономерный процесс, развивающийся во второй половине XX – начале XXI в.в. в полном соответствии с эволюцией гуманитарного и естественнонаучного знания. Общий вектор развития этого

направления лингвистической науки можно определить как тенденцию к углублению представлений о мотивированности значения человеческим опытом в единстве его динамического и статического аспектов.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Отрицательная эвристика», согласно Лакатосу, – это методологическое правило, которое, по решению сторонников научно-исследовательской программы, полагается «неопровержимым». Совокупность отрицательных эвристик – это «жесткое ядро» программы.

² Гносеологический принцип детерминизма является философским основанием любого научного знания. В соответствии с так называемым лапласовским вариантом этого принципа, или абсолютным детерминизмом, мир полагается устроенным так, что из его состояния в настоящий момент можно вывести, что было в прошлом, и предвидеть, что свершится в будущем.

³ «Положительная эвристика» – это совокупность приемов, с помощью которых можно изменять «опровержимую» часть программы, чтобы сохранить в неприкосновенности ее ядерную часть. По замечанию Лакатоса, положительная эвристика выручает ученого от замешательства перед океаном аномалий. Она является более гибкой, чем отрицательная.

⁴ Принцип неопределенности устанавливает теоретический предел точности любых измерений. В квантовой механике он проявляется в том, что измерение координаты частицы обязательно влияет на ее импульс, соответственно, последняя не может быть одновременно описана как «классическая точечная частица» и как волна.

⁵ В западной когнитивистике написание составляющих термина «когнитивная лингвистика» является значимым: название направления языкознания, противопоставляемого структуральной лингвистике своим обращением к исследованию структур сознания, пишется строчными буквами (cognitive linguistics), а название направления, противопоставляемого генеративной лингвистике в своей трактовке языкового знака, строении языка и понимании природы языковой способности человека – с заглавной (Cognitive Linguistics). Несмотря на то, что далее речь идет именно о последнем направлении, мы следуем принятому в восточноевропейской лингвистике образцу написания данного термина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М. : Изд-во МГУ, 1996. — 245 с.
2. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / Имре Лакатос ; [пер. с англ. В. Н. Поруса]. — М. : Медиум, 1995. — 235 с.
3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Жан-Франсуа Лиотар ; [пер. с фр. Н. А. Шматко]. — М. : Ин-т экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 1998. — 160 с.

4. Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — №1. — С.53—64.
5. Geeraerts D. Idealist and empirical tendencies in cognitive linguistics // Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, Methodology / Ed. by Th. Janssen, G. Redecker. — B., N.Y. : Mouton de Gruyter, 1999. — P. 163—194.
6. Geeraerts D. Structure of Lexical Variation : Meaning, Naming, and Context / D. Geeraerts, S. Grondelaers, P. Bakema. — B. : Mouton de Gruyter, 1994. — 221 p.
7. Ruthrof H. Semantics and the Body: Meaning from Frege to the Postmodern. — Toronto, Buffalo, L.: University of Toronto Press, 1997. — 321 p.
8. Sandra D. Network analyses of propositional meaning : Mirroring whose mind — the linguist's or the language user's? / D. Sandra, S. Rice // Cognitive Linguistics. — 1995. — Vol. 6. — P. 89—130.
9. Wierzbicka A. Lexicography and Conceptual Analysis. — Ann Arbor : Karoma, 1985. — 368 p.

© Морозова Е. И., 2012.

Morozova E. I.

PRESENT-DAY RESEARCH PROGRAMS FOR INVESTIGATING LANGUAGE